

АРХИМАНДРИТ ХЕРУВИМ (КАРАМБЕЛАС)

ИЗ УДЕЛА БОЖИЕЙ МАТЕРИ

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЕ
ВОСПОМИНАНИЯ

Херувим (Карамбелас) Архимандрит
ИЗ УДЕЛА БОЖИЕЙ МАТЕРИ.
(Ностальгические воспоминания)

Архимандрит Х.

ИЗ УДЕЛА БОЖИЕЙ МАТЕРИ. (Ностальгические воспоминания)
/ Х. Архимандрит — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого»,

Эту книгу, вышедшую в Греции уже многими тиражами и переведенную на несколько языков, можно с полным правом поставить в один ряд с «классическими» книгами Православной аскетики, такими как «Лавсаик» или «Луг Духовный». Ее автор, старец Херувим, который был значительной фигурой в духовной жизни современной Греции, передает читателям личный опыт от общения с афонскими подвижниками, жившими в середине XX века и, как видно из книги, ни в чем не уступавшими подвижникам первых столетий существования монашества.

© Архимандрит Х.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА ХЕРУВИМА	6
ПРЕДИСЛОВИЕ К ГРЕЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ	7
ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ	8
НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Архимандрит Херувим (Карамбелас) ИЗ УДЕЛА БОЖИЕЙ МАТЕРИ Ностальгические воспоминания

Издание 2-е, исправленное и дополненное

«...Я покинул Святую Гору двадцатидвухлетним юношей... Единственное, к чему я стремился – это не растерять того, чему научили меня мои старцы... Благодарю Бога, что и в свои шестьдесят лет я учу лишь тому, чему научили меня старец Григорий, отец Иоаким и все те, о ком идет речь в «Воспоминаниях». Я молюсь, чтобы их души находились в руках Божьих и чтобы они предстательствовали и о нас... Самым большим благословением, полученным мною в жизни, я считаю то наследие, которое оставили мне мои старцы: истинные монашеские рассуждения и пример жизни...»

Из устного духовного завещания старца Херувима

КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА ХЕРУВИМА

Старец Херувим (в миру Георгий Карамбелас) родился в деревне Константины на Пелопоннесском полуострове. Он появился на свет в день памяти учителя православного монашества, преп. Иоанна Лествичника, – 30 марта 1920 года. Его родителей звали Михаил и Димитра. Своего отца он не знал, потому что еще до рождения сына Михаил Карамбелас погиб в так называемой Малоазийской катастрофе, когда греческая армия была разгромлена турецкой во время боевых действий в Малой Азии. Заботу о Георгии взяли на себя его дяди. Они были по профессии полицейские и применяли соответствующие методы воспитания: Георгия нещадно били ремнем, особенно когда в возрасте приблизительно тринадцати лет он стал выражать желание принять монашество. В это время юноша начал регулярно посещать всенощные богослужения, которые совершались некоторыми ревностными монахами в Пиреях – портовом городе рядом с Афинами, куда Георгий переехал вместе с матерью.

Несмотря на свой юный возраст и огромные препятствия, которые чинили ему мать и дядья, он тайно оставил семью и в возрасте восемнадцати лет уехал на Афон, где на протяжении четырех лет подвизался в общине Рождества Богородицы в *скиту*¹ святой Анны, под руководством строгого старца Григория. Как раз об этом периоде своей жизни архимандрит Херувим рассказывает в книге, которую держит в руках боголюбивый читатель.

Тем временем мать отца Херувима, которая имела сильную привязанность к своему единственному сыну, чрезвычайно болезненно пережила его тайный уход на Афон. В отчаянии она решила даже покончить жизнь самоубийством. С этой мыслью она пошла к реке, но по дороге встретила одну благочестивую матушку – жену местного священника. Та поняла в чем дело, и повела Димитру к себе домой, где утешила и отговорила от того, что она задумала с собой сделать. Таким образом мать отца Херувима была спасена. Позднее она даже удостоилась принять монашество из рук своего сына, архимандрита Херувима, и стала его духовной дочерью.

Отец Херувим имел такую любовь и ревность к православной монашеской традиции и афонским монахам, что всего за четыре года своего пребывания на Святой Горе успел впитать ее в себя и срастись с нею настолько, что впоследствии, как заботливый садовник, смог пересадить ее на почву континентальной Греции – в Аттике, основав здесь монастырь «Параклиту», в котором нашли воплощение лучшие черты афонского устава и жизни. Свою любовь к монахам-святогорцам, с которыми отец Херувим общался на протяжении своего недолгого пребывания на Афоне, он выразил в серии книг «Современные святогорские образы», а также в книге «Из удела Божией Матери».

В 1942 году, в связи с болезнью, отец Херувим вынужден был покинуть Афон и вернуться в Пиреи, в отчий дом. Здесь он основал небольшое братство «Утешитель» (Параклит), которое развило значительную катехизическую и издательскую деятельность. В отличие от большинства подобных братств той эпохи, «Утешитель» был ориентирован на монашескую жизнь и поэтому постепенно, начиная с 1963 года, был преобразован в знаменитый монастырь Утешителя (Параклиту) возле селения Оропос в Аттике. Отец Херувим был основателем и игуменом этой обители вплоть до своей блаженной кончины 22 августа 1979 года.

В настоящий момент игуменом монастыря «Параклиту» является отец Тимофей, известный своими тесными связями с Русской Православной Церковью, а также издательской и переводческой деятельностью.

¹ Значения святогорских понятий, выделенных курсивом, объясняются в «Святогорском словаре» в конце книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ГРЕЧЕСКОМУ ИЗДАНИЮ

Наш старец, архимандрит Херувим, незадолго до перехода из временной жизни в вечность (22 августа 1979 г.), оставил нам в наследие замечательное духовное сокровище – воспоминания о своей жизни на Святой Горе, которые едва успел записать перед кончиной.

Изумляет тот факт, что, несмотря на его молодость и кратковременность пребывания на Афоне, чистая жаждущая душа юноши успела наполниться ароматом истинной монашеской святогорской традиции и напитаться от благоуханных цветов этого земного рая – великих монахов той эпохи, которые навсегда оставили неизгладимый отпечаток в душе тогда еще молодого отца Херувима.

Приснопамятный старец, опуская все темное, «человеческое», чему случалось быть у отцов, которых он знал, подобно переборчивой пчеле собирал с афонских цветов лишь то, что имело духовную ценность, и вливал этот духовный нектар глубоко в свое сердце. Он сохранил его невредимым и чистым и передал его, как многоценное сокровище, нам – своим духовным чадам. Этим нектаром на протяжении всей своей земной жизни питался он сам, а также в течение тридцати пяти лет непрерывно питал нас и множество других монахов и мирян.

Просвещенный от Утешителя Духа и побуждаемый просьбами братьев обители, он решил, что нельзя, чтобы такое духовное богатство было утеряно. Так появилась книга, получившая название «Ностальгические воспоминания из удела Божией Матери».

Любовь не позволяет нам удерживать это бесценное наследие только для себя. И теперь мы преподносим его – как он и сам того хотел – нашим братьям монахам и мирянам, во славу Бога в Троице, в честь Преподобной Владычицы нашей Богородицы, Смотрительницы Святоименной Горы и в память нашего блаженного старца.

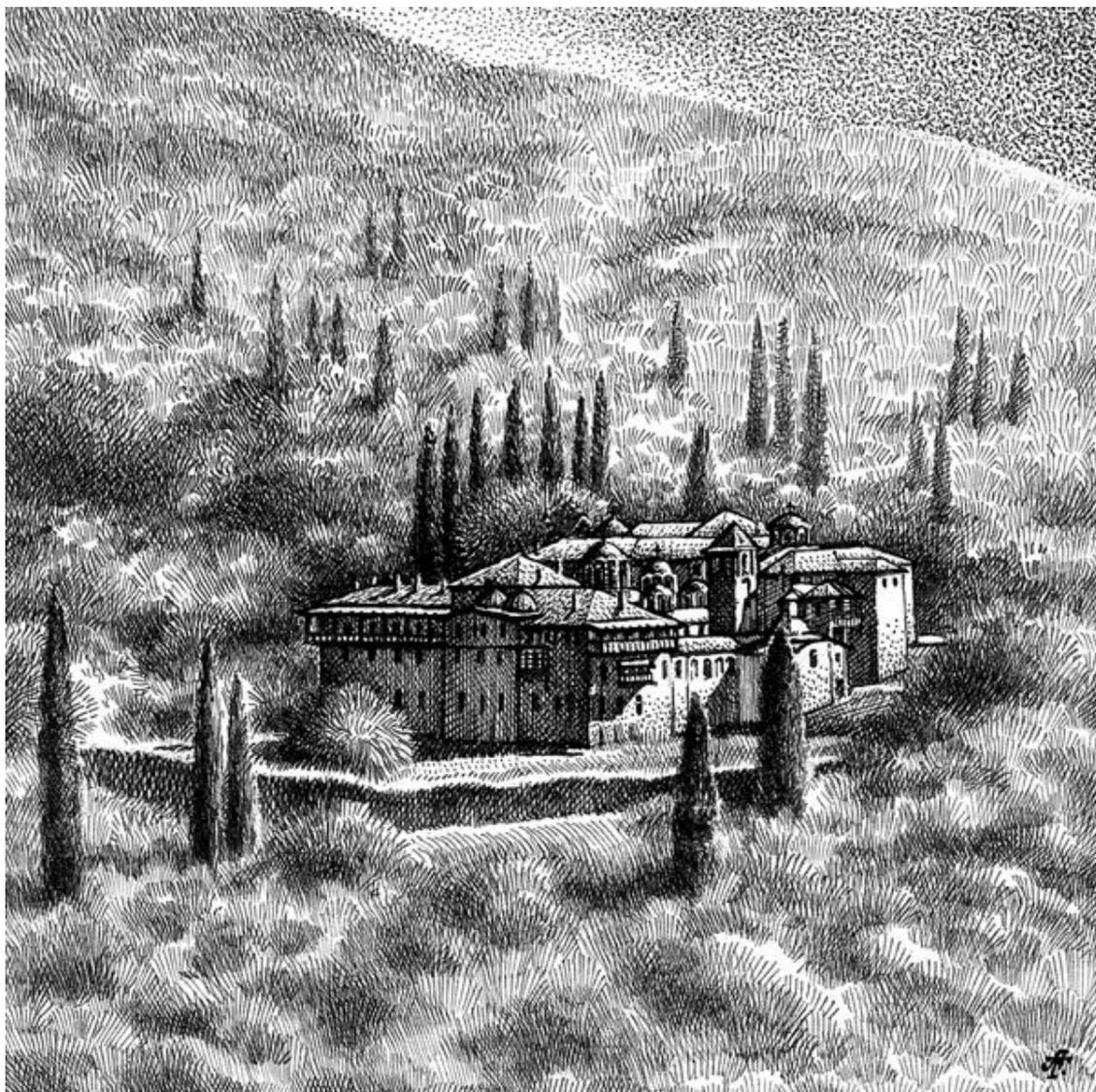
Святая обитель Утешителя (Параклиту)

8 ноября 1981 года.

Праздник Архистратига Михаила

Архимандрит ТИМОФЕЙ

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Шестое августа 1938 года. Пароход «Самос» совершает свой обычный рейс: Пирей – Александруполь – Кавала – Фессалоники. Ему предстоит пройти множество островов и зайти во множество портов. Одним из его пассажиров являюсь я.

Мы вышли из Кавалы и, преодолевая последний отрезок нашего пути, направились к Фессалоникам. Вскоре вдалеке показалась конусообразная громада Афона.

Навалившись на борт на самом носу корабля, я весь прикипел к ней взглядом, наблюдая, как во всем своем величии она выплывает из моря. Она настолько потянула меня к себе, что я невольно стал искать способ помочь кораблю ускорить свой ход. Вскоре мы подошли ближе. Один за другим стали появляться монастыри – неприступные крепости, построенные, чтобы быть многовековым свидетельством веры и стремления человека к Богу.

С тех пор как мне исполнилось четырнадцать лет, живописные рассказы двух афонских подвижников, иеромонахов Паисия и Хрисанфа, составили в моей душе образ Святой Горы как такого места, которое, находясь на земле, достигает неба. Пламенная любовь к этому святому месту подтолкнула меня к решению уйти туда и поселиться там навсегда. Я принял это решение сам, никому ничего не сказав.

Мы пристали в Дафни ². Несколько лодок на веслах приблизилось к кораблю, чтобы забрать пассажиров. Едва моя нога коснулась суши, как первой моей заботой стало преклонить позади какого-то старого здания колени и с благоговением облобызать эту святую землю. И я выполнил свой обет, данный когда-то: «Если Божия Матерь удостоит меня когда-нибудь попасть на Святую Гору, то первое, что я сделаю, – это облобызаю ее землю».

Первым делом я отправился в Карею ³ – столицу Святой Горы, где мне нужно было получить диамонитирион ⁴ – документ, обязательный для всех паломников. По пути я не мог насмотреться на необъятные густые леса, источники с кристально чистой водой. Мною овладела какая-то торопливость, любопытство увидеть, услышать, узнать как можно больше об этом святом месте, которое так волновало, так притягивало меня с детских лет.

Монахи, которые встречались мне по пути, с котомками за плечами и четками в руках, оживляли во мне рассказы, услышанные с ранних лет.

Карей утопала в зелени. Стояла августовская жара, однако душистый ветерок повсюду разносил прохладу. Вечером я остановился в одной гостинице. Это был мой первый вечер на Святой Горе.

Утром я опять пешком пошел в Дафни. Там толпилось множество рыбаков, монахов, жандармов ⁵, рабочих. Наибольшее впечатление на меня произвел вид дяди Георгия – офицера с длинной белой бородой и двуглавым орлом, украшавшим его головной убор ⁶. Движение и жизнь в Дафни вызвали во мне какое-то скорбное чувство, причину которого я не мог определить. В толпе я заметил монаха с радостным лицом и благородной внешностью. Он подошел ко мне и с большой добротой в голосе сказал:

– Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Хотя я и решил не открывать цель своего путешествия – однако так и не смог утаить ее. Я рассказал ему, что у меня есть план пойти в Кавсокаливу ⁷. Один мой друг пострижен там в монахи, и теперь я хочу навестить его. Услышав это, он обрадовался и сказал, что он сам из Кавсокаливского скита и живет в *келли* святого Мефодия. Этого монаха, как я узнал позже, звали отец Мефодий.

Вскоре мы отплыли с ним на катере, который шел до скита святой Анны. Все время, пока мы плыли, я то любовался природными красотами, то с любопытством рассматривал пассажиров – монахов, рабочих, паломников. Мое особое внимание привлекли лица нескольких подвижников, которые всю дорогу оставались молчаливыми, из чего было видно, что и во время путешествия эти монахи устремлены к самопознанию и самосовершенствованию. Первым показался монастырь святого Григория. Сколько я о нем слышал! Это была одна из лучших *киновий*, и монахи здесь жили строгой жизнью. Вскоре мы повернули влево, и высоко в горах открылось громадное, гигантское строение Симонопетра. Не успел еще я прийти в себя от изумления, как внезапно показался монастырь святого Дионисия. Я невольно заволновался: здесь хранятся десница Иоанна Предтечи, а также мощи святого Нифона, патриарха Константинопольского, который был также в монастыре пастухом ⁸.

² Дафни – главный порт Святой Горы. (Здесь и далее примечания переводчика.)

³ Карея – административный центр Святой Горы, в котором находятся Священный Кинот, представительства монастырей и государственные учреждения.

⁴ Диамонитирион – документ, дающий право въезда и пребывания на Святой Горе.

⁵ Афон имеет свою собственную жандармерию, которая призвана следить за порядком на Святой Горе.

⁶ Речь идет об офицере специальной афонской жандармерии. Кокарда в виде двуглавого византийского орла – отличительная черта униформы афонских жандармов.

⁷ Скит на южной оконечности Святой Горы.

⁸ Святой Нифон, патриарх Константинопольский, родился в 1370 году. Через некоторое время после того, как он был вынужден оставить свою кафедру, пришел на Святую Гору. Здесь поселился сначала в Ватопедском монастыре, а затем – в Дионисиате. В эту обитель он пришел как простой монах, скрыв свое прошлое. Как новонаначальному, ему назначили самое скромное послушание – пасти монастырское стадо. Однако вскоре братии монастыря было открыто, кем на самом деле был

– Боже мой, – говорил я себе, – где я?! Неужели все это происходит наяву?!

Увидев монастырь святого Дионисия и припомнив все, что слышал о нем, я почувствовал в себе нечто такое...

Возле каждого монастыря кто-то сходил на берег. Если это был монах, я пытался определить, был ли он одним из тех, о ком я слышал столько добрых слов.

После монастыря святого Дионисия, у подножия самой высокой вершины Афона⁹, показался монастырь святого Павла. С моря виднелись величественные здания, похожие на старую венецианскую крепость. В этом монастыре, как многоценное сокровище, хранятся Дары, которые волхвы преподнесли новорожденному Господу.

Вскоре мы увидели Новый Скит¹⁰ – красивый монашеский городок с живописными домиками и прекрасными садами. Оставив его позади, приблизительно через десять минут мы достигли конечного пункта нашего путешествия – скита святой Анны. Я с жадностью всматривался в него. Мой взгляд пробежал от самых нижних до самых верхних его строений. Был ли он на самом деле таким, как мне его описывали отец Паисий и отец Хрисанф, которые сами были отсюда?

На пристани скита несколько платанов создавали густую тень. Я тоже спрятался под их защиту. Немного поодаль какой-то монах с легкостью копал что-то в песке и гальке. Затем он взял старую консервную банку и нагнулся, чтобы набрать воды. Я подошел к нему посмотреть, что он делает, и попросил дать и мне попробовать воды. Это была, наверное, самая вкусная вода, какую я когда-либо в своей жизни пил. Немного поодаль, примерно в ста метрах от моря, бил прохладный источник.

Оказавшись в Святой Анне, я в сопровождении одного монаха отправился посетить *каливу* святого Иоанна Предтечи. Мне хотелось встретиться со старцем Азарией и двумя его *послушниками*, Иоанном и Аверкием, которые были родными братьями. Вместе с моим спутником мы поднялись по тропинке, на которую кое-где попадала тень огромных дубов. Монах во время всего нашего пути не произнес ни слова. За спиной котомка, в одной руке посох, а в другой – потертые четки. Он шел впереди, а я – следом за ним. Уста его все время шевелились – конечно, он читал «молитву»¹¹. Видя его сосредоточенность, я не хотел мешать ему, хотя и горел желанием побольше порасспрашивать его обо всем.

Я был в Святой Анне! Это казалось сном и неправдой. Мы свернули на маленькую тропку, миновали густые заросли, в которых было разлито благоухание миртового дерева и виноградника. Прошли мимо высоких кустов фасоли и оказались перед дверью, какие бывают в сельских домах. Мы поднялись на две-три ступени и потянули за шнурок, к концу которого была привязана какая-то катушка. Послышался звон колокольчика.

Вскоре дверь отворилась и появился средних лет монах, одетый в старый подрясник, босой, в сильно изношенной скуфье. Его лицо сияло радостной детской простотой. Он внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Ты, наверное, Георгий?

– Да. Откуда вы меня знаете?

– Я узнал тебя по тому, как мне описал тебя мой брат, отец Иоанн.

Нифон. И однажды, когда он возвращался со стадом, все братья вышли за стены обители и устроили ему встречу, достойную патриарха. После этого Нифон еще долго жил в монастыре, достигнув глубокой старости. После смерти его мощи стали источником множества исцелений. Его память празднуется 7/20 августа.

⁹ Афон – так называется самая высокая гора полуострова, от которой он и получил свое название.

¹⁰ Новый Скит, основанный в середине XVIII века, находится между Святой Анной и монастырем святого Павла, которому и подчиняется.

¹¹ Здесь и далее имеется в виду так называемая молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Познакомившись, мы поблагодарили моего проводника, которого я, сколько прожил на Святой Горе, больше ни разу не видел. А мне очень хотелось бы его повидать. Его вид выдавал в нем очень собранного монаха.

Мы вошли в старое и скромное строение, где, скорее всего, первым помещением была церковь келии. Отец Аверкий – так звали монаха, который меня встретил, – открыл мне дверь храма, чтобы я приложился к иконам. Церковь была в честь Иоанна Крестителя. Я с великим благоговением приложился ко всем иконам иконостаса.

Я впервые был в церкви афонской каливы. Мое внимание привлекли аналой, которым служила первая *стасидия* в правой части храма, светильник, старые византийские иконы, стасидия с двойным сиденьем. Ладан, воск и масло создавали внутри особый аромат.

Велика была моя радость. Передо мной стоял отец Аверкий, о котором я столько всего слышал от его брата. Самым впечатляющим было то, что он пришел на Афон в возрасте девяти лет! С тех пор он ни разу не возвращался в мирскую суету...

После храма мы пошли в простой и бедный *архондарик*. Отец Аверкий удалился, чтобы принести мне традиционное афонское угощение: лукум, кофе и раки¹². В это же время я услышал шаги на лестнице и подумал, что это отец Иоанн. Я был прав, услышав мой голос, он спустился, чтобы поприветствовать меня. В руках у него был букет цветов.

– Святая Гора встречает тебя своими прекрасными цветами, – сказал он мне.

Такой неожиданный прием поразил меня. Я подумал, что хороший монах кроме всего прочего имеет еще и благородную душу.

Через некоторое время появился незабываемый преподобный старец Азария. Ему было более семидесяти пяти лет, однако он выглядел моложе и вел себя, как маленький ребенок. Такие люди уже получили вход в Царство Небесное, согласно словам Господа: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное»¹³.

Мы обменялись со старцем Азарией парой слов, и он позвонил в колокольчик, чтобы начинали читать девятый час и вечерню.

Я сидел в стасидии и считал себя по-настоящему счастливым. Моя юношеская душа была переполнена счастьем. Простое нерастянутое пение, благоговейные позы отцов – все создало во мне такое настроение, что я сказал себе: «Чего большего и лучшего может ожидать душа от такого преподобнического окружения?»

После вечерни был предложен ужин: небольшое количество простой, но хорошо приготовленной пищи и великолепнейшие персики из монастырского сада. Старец Азария, как мне сказали его послушники, занимался садоводством и рыбной ловлей.

Когда закончилось и повечерие, мы сделали друг другу поклоны и взяли у старца благословение. Ночью я не мог дожидаться, хотя и был очень уставшим с дороги, когда зазвонят в колокольчик, чтобы опять быть в церкви с ее тусклым светом лампадок, со светильником, который освещал священные книги и фигуры трех отцов, чье присутствие распространяло повсюду покой и внутреннюю радость...

Это была первая утренняя, которую я слушал на Святой Горе. Поэтому она осталась для меня незабываемой. И сейчас, через целых сорок один год, когда я пишу эти строки, мне опять хотелось бы пережить то свое душевное состояние.

После утрени мы пили кофе, а затем отец Аверкий позвал меня с собой, чтобы показать свой сад: персиковые деревья, отягощенные плодами, и многое другое, что росло у них в саду. Во всем были порядок и гармония, равно как в умах и душах отцов. Мы нарвали немного персиков и возвратились в келию.

¹² Традиционный алкогольный напиток, напоминающий анисовую водку.

¹³ Мф. 18, 3.

Я побывал в художественной мастерской и осмотрел всю каливу, которая была похожа на старый ухоженный сельский дом.

Я сидел на балконе, когда услышал позади себя шаги. Оборачиваюсь и вижу старца Азарию, который идет с рыбацким снаряжением и корзиной, полной живой рыбы. Он только что вытащил сеть, закинутую с вечера.

Я прожил здесь пять-шесть дней – с чувством воодушевления, радости и душевной наполненности. За это время мы вместе с отцом Иоанном успели посетить *кириакон*.

Дикеем скита в то время был отец Харлампий из келии святого Модеста.

В храме, который был весь украшен византийскими иконами, царил порядок и чистота. С глубоким волнением я поклонился мощам святой Анны и ее чудотворной иконе, шепотом поблагодарил ее за то, что она удостоила меня посетить это святое место, которое я полюбил еще до того, как увидел.

Кириакон находится приблизительно в центре скита, и отсюда можно увидеть все пятьдесят четыре скитские каливы. Сознание фиксировало увиденные картины садов, скитских калив с деревьями и источниками возле них, но больше всего меня поразили абсолютная тишина и покой. Столько людей живет в этом селении, а при этом не слышно ни звука. Никакого шума, никакого беспокойства. Покой есть лучший спутник монашеской жизни.

После кириакона мы посетили каливу братьев Карцонеев. В ней я встретил настоящее монашеское великодушие. Нас приняли с радостью и непосредственностью. Здесь жили четыре брата по плоти: иеромонахи отец Гавриил – *старец* келии, отец Серафим, отец Дионисий и монах Хризостом. Они попали на Гору еще в детстве. Их привел сюда их отец и посвятил Божией Матери. Старик Карцонас был одним из самых видных градоначальников Мессинии¹⁴ – в своей фустанелле¹⁵ и с патронташем. Благородство происхождения проступало в их чертах до конца их жизни. Все они были иконописцами, и при этом искусными иконописцами.

Когда мы уходили, они попрощались с нами с большой любовью, которая осталась для меня незабываемой. До самой своей смерти они остались верными тем обетам, которые были даны ими во время пострига. Хотя к ним приходило множество посетителей, они ни в чем не изменяли принципам святогорской жизни. Да упокоит их Бог, а с нами – да будут их молитвы.

¹⁴ Область в юго-западной части Пелопоннеса.

¹⁵ Фустанелла – особого рода короткая сборчатая юбка, которая была частью греческого мужского национального костюма.

НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Наступило время отправляться в Кавсокаливу. Как я уже говорил, там мне нужно было повидать своего друга и бывшего одноклассника, подвизавшегося в каливе Иосафеев. И вот однажды в полдень я сошел к пристани Святой Анны и уже через час достиг на рейсовом катере Кавсокаливы.

Мы проплывали мимо Карули ¹⁶ и Катунак ¹⁷. Места эти засушливы и скалисты. Здесь, – как сказали мне, – живут подвижники. Пораженный героизмом и терпением этих людей, я смотрел на проплывавший мимо меня берег, затаив дыхание. Один мой попутчик, монах, указал мне на небольшую хибарку. «Там, – сообщил он, – живет русский князь, иеромонах Парфений». От этих слов во мне что-то вдруг затрепетало. Однако я решил оставить посещение этого места на потом. В Кавсокаливе на берег вместе со мной сошли несколько монахов. Все они были готовы помочь и услужить мне. Один из них, отец Тимофей, имея возраст свыше шестидесяти лет, с искренней любовью взял у меня из рук поклажу и понес ее! Мы поднялись

¹⁶ Самое сложное по условиям жизни место Святой Горы, где в пещерах и каливах (около 11) подвизаются главным образом отшельники.

¹⁷ Группа калив (около 19), располагающаяся между Святой Анной и Карулей.

на возвышенность, с которой нам внезапно открылся Кавсокаливский скит, весь утопавший в зелени. Посреди скита возвышалось большое здание иконописного дома Иосафеев. За ним виднелся кириакон с его великолепной высокой колокольней. Мое воодушевление достигло предела. Я находился в Кавсокаливе!

Неспеша шли мы с отцом Тимофеем, нагруженным моей поклажей, куда не дошли до калитки в архондарик Иосафеев. Деревья, трава, цветы, артезианский колодец и беззвучно бегущая вода украшали двор. Мы подошли к дверям и постучались. Нам открыл мой знакомый монах, который, увидев меня, застыл от изумления. Мы поблагодарили отца Тимофея за оказанную им любовь, и он, оставив поклажу, ушел.

Мы зашли в церковь. Меня поразило великолепие ее убранства. Иконостас был почти весь позолочен. Иконы, написанные в русском стиле, были настоящими произведениями искусства. Их написали великие художники Иосафеи. Все сияло. Везде был идеальный порядок и чистота.

Из храма мы пошли в архондарик. Это был настоящий архондарик ¹⁸! Казалось, он был построен специально для князей. Только мы сели, как пришел старец каливы, отец Артемий, вместе с отцом Иоанном и отцом Георгием. С последним я был знаком еще с того времени, как мы виделись в Пиреях ¹⁹.

После обеда мы вместе с моим другом пошли поклониться в кириакон. Дикеем тогда был покойный ныне отец Дамиан. Его библейская внешность вызывала к себе почтение, а его советы оказались очень полезными для меня.

Мне казалось, я не ходил, а летал по тропам скита. Почти весь скит – это сплошной лес деревьев. Мы также посетили келию святого Акакия Кавсокаливского. Здесь, к моему великому удивлению и радости, нас встретил тот самый монах, который помог мне нести поклажу, – отец Тимофей. Через некоторое время к нам подошли и другие члены общины: отец Акакий и иеромонах отец Иерофей.

Отцу Акакию, который имел клинообразную бороду и говорил в нос, было за восемьдесят лет. Казалось, какой-то преподобный с древней византийской фрески ожил и внезапно предстал перед тобой! Отец Иерофей был родным братом бывшего настоятеля монастыря святого Григория, отца Феодора. Своей добротой и простотой он дополнял замечательную картину этой избранной общины.

Мы попробовали незатейливого угощения, предложенного нам на бедной посуде, наслаждаясь видом необъятного Эгейского моря. Вид из Святого Акакия был впечатляющим.

Затем мы спустились в пещеру святого Акакия ²⁰. Тропинка, которая вела к ней, была труднопроходимой. Я вошел внутрь и приложился к деревянной кровати, на которой находило себе непродолжительный отдых подвижническое тело святого. Снаружи высилось огромное дерево. Как говорит жизнеописание святого, прекрасная птичка прилетала и садилась на ветви этого дерева, утешая преподобного Акакия своим сладким голосом в часы, когда на него нападало уныние, с помощью которого диавол часто ведет брань с монахами. По мнению местных отцов, эта птичка была Ангелом Господним.

¹⁸ «Архондарики», то есть монастырские покои для посетителей (см. «Святогорский словарь»), буквально – княжеские покои.

¹⁹ Пирей – портовый город, сейчас входящий в состав Афин. Здесь некоторое время до своего приезда на Афон жил отец Херувим.

²⁰ Пещера, в которой подвизался преподобный Акакий. Святой Акакий пришел на Святую Гору, будучи уже монахом. На Афон его привело стремление к большему подвигу. Однако здесь он не сразу нашел место, которое удовлетворяло бы его духовным запросам. В конце концов он поселился в Кавсокаливском скиту в каливе Преображения Господня. Здесь он прожил около 20 лет. За его подвиги Господь удостоил его даром прозорливости и молитвы. Упокоился святой в возрасте приблизительно 100 лет. Его память празднуется 12/25 апреля.

В тот же день мы посетили каливу доброго старца Михаила. Отец Михаил был одним из тех людей, которые всегда улыбаются, всегда за все благодарят, всегда искренни и непосредственны.

Я прожил в Кавсокаливие около десяти дней. Познакомился со многими отцами скита. Побывал также в каливе святого Мефодия, в которой жили отец Козьма и его послушники, отец Игнатий и иеромонахи Дамиан и Мефодий. Серьезная община, рассудительные монахи.

А как можно забыть старца Арсения-резчика, чьи слава и работы стали известными во всем духовном пространстве Греции, Европы и даже Америки?

На протяжении целых пятнадцати лет он терпеливо работал над своим шедевром – вырезанным по дереву изображением Второго Пришествия Господня. Над другим своим произведением – Распятием – он трудился приблизительно десять лет.

Его тонкая душа художника была освящена подвигом. Свой труд он всегда сопрягал с постом и молитвой. В нем ты видел человека, который живет для одного Бога и служит Ему своим тонким, своим тончайшим искусством.

Когда я с ним познакомился, ему было около семидесяти лет. Он сидел на кушетке, скрестив ноги. Вокруг него были разложены инструменты. В руках у него был кусок самшита – дерева, которое обычно используют резчики. Его глаза были светлы, как у маленького ребенка. Его белое, без единой старческой морщинки лицо сияло, а белая борода придавала ему еще больше благообразия. Все, кто имел благословение Божие знать его, поражались ему. Его освященное сердце источало слова мудрости.

Во время своего пребывания в Кавсокаливие я приходил к нему два или три раза – только для того, чтобы насладиться общением с ним. Единственным занятием старца было его искусство и молитва. Остальные нужды по келии брал на себя его послушник, отец Епифаний.

Я также имел честь познакомиться с почтенным отцом Антонием из каливы Преподобных Отцов. Святоотеческий, подвижнический образ, выделявшийся среди прочих кавсокаливитов. Задумчивый и строгий. Общение с ним переносило тебя в Египет и Фиваиду, в те времена, когда монашество находилось в своем расцвете. Он хорошо разбирался в духовных проблемах монашества. У него был обаятельный послушник, иеромонах Анфим.

Кавсокаливские отцы, соревнуясь в гостеприимности, не могли решить, кто первый возьмет меня к себе в каливу, кто предложит мне пусть даже чашечку кофе. «Страннолюбия не забывайте»²¹. Если эта христианская традиция, это с детства прививаемое теплое отношение к гостю является характерной чертой греков, то в монахах-святогорцах она находит себе особое выражение.

Тем временем я уже достаточно пожил в Кавсокаливие, и пришло время посетить монашеский центр Святой Горы – Великую Лавру. Мой друг монах показал мне путь, по которому следует идти. Он сказал мне, что я буду проходить мимо замечательной святыни – пещеры святого Нила Мироточивого²².

Один только вид келии преподобного Нила наводит страх. Тот, кто захочет поклониться его останкам, должен быть очень осторожным. Я слышал, что некоторое время святой источал из гроба миро, которое стекало в море. Там, где бежало миро, отчетливо были видны следы от него. Сюда, под скалу, на небольших парусниках приплывало множество больных и получали исцеление. Этим воспользовались пираты. Часто, когда здесь собиралось много народа, чтобы получить исцеление, они захватывали их в плен и продавали на восточных рынках рабов. Как гласит афонское предание, чтобы положить конец этому злу, святой Акакий, пещера которого находилась почти напротив этого места, попросил святого Нила, чтобы он остановил мироточение и чудесные исцеления. И с тех пор миро иссякло.

²¹ Евр. 13, 2.

²² Преподобный Нил Мироточивый подвизался на Афоне в XVII веке.

Мокрый от пота, боясь не сорваться с крутой и обрывистой скалы, я преклонил колени и помолился у гроба Преподобного. Затем я поднялся в каливу, где удостоился поклониться мощам (челюсти) Преподобного, а также одной фелони из тех, в которые он облачался, когда приносил бескровную Жертву. В то время там подвизалась братия во главе со старцем Нилом с Митилины²³. Когда я поднялся в каливу, отец Нил срывал смоквы со смоквницы. Он предложил мне их вместе с кофе и прохладной водой. У меня не было больше времени оставаться здесь. Я попрощался со старцем и продолжил свой путь к Лавре.

Я слышал, что где-то между Лаврой и Кавсокаливой, на месте, где стоит знак, подвизался первый великий аскет Святой Горы, преподобный Петр Афонский²⁴. Проходя мимо этого места, я осенил себя крестным знаменем. В его житии я читал об обетованиях, данных ему Божией Матерью относительно Святой Горы.

Через некоторое время вдаль показался какой-то большой монастырь. Из слышанных рассказов я понял, что это румынский скит Иоанна Предтечи. Подумал, что нужно воспользоваться представившейся возможностью и поклониться святому Предтече, а заодно повидать братьев – румынских монахов.

Пройдя через ворота, я направился к храму. Он, как и всякий *кафоликон* на Святой Горе, был тщательно ухожен. Однако остальные строения были не в очень хорошем состоянии.

Один из братьев провел меня в архондарик – большой зал со множеством фотографий патриархов и царей, настоятелей монастыря и т. п. В одном углу сидел монах, который сразу же привлек мое внимание. Его скромный и смиренный вид выдавал в нем исключительно послушливый характер. Его сума, чистая ряса, монашеская обувь на толстой подошве, белые шерстяные носки, шерстяная скуфейка – все свидетельствовало об этом. Я почувствовал в себе непреодолимое желание познакомиться с ним, предощущая, что этот монах имеет большое благочестие и с ним можно поделиться своими мыслями о монашестве.

Мне не удалось побороть своего любопытства, и я спросил у него, из какого он монастыря. Смирненным и спокойным голосом он ответил:

– Я из монастыря Дионисия.

Услышав об известной киновии, я встрепенулся. Мне хотелось узнать о ней как можно больше. Наверное, просвещенный от Бога – ибо хорошие монахи всегда имеют Божественное просвещение, – он понял мое желание и на все мои вопросы отвечал с большим знанием дела. На протяжении почти всей ночи мы без усталости говорили о жизни обители и о духовном пути истинного монаха. Спустя много времени, он признался мне, что и сам тогда почувствовал внутреннее влечение поговорить со мной и узнать, есть ли у меня интерес к монашеству.

Его лицо сияло, как у ангела. Меня впечатлили тон его голоса и точные ответы на мои бесконечные вопросы. Я спрашивал себя: «Может, это именно тот монах, за которым я должен беспрекословно следовать?» Однако потом опять заколебался. «Посмотрю еще, – сказал я себе, – а потом решу». Во всяком случае, эта наша беседа была для меня важной вехой. Она была чудесным введением в монашескую жизнь.

Когда утром зазвонили в колокола к утрени, мы все еще не спали. Умывшись, мы пошли на утреню. Румынское пение очень похоже на наше. Мы отметили особое благочестие одного молодого священника, который служил в тот день. После Божественной Литургии, исполненный радости и воодушевления, я попрощался с отцом Лазарем – так звали монаха-дионисиата – с обещанием, посетить монастырь.

Через полчаса я достиг Великой Лавры. Передо мной было огромное строение, напоминавшее средневековую крепость. Бойницы, высоченные башни, крепости, церкви и часовни,

²³ Остров Митилина, другое название которого – Лесбос.

²⁴ Преподобный Петр Афонский – один из первых подвижников Святой Горы, подвизавшийся здесь отшельническим подвигом в IX веке. Его память празднуется 12/25 июня.

огромный мощный двор. Надо всем царственно возвышался кафоликон. Его построил сам святой Афанасий²⁵. Два огромных кипариса стояли перед ним вековыми стражами. Предание гласит, что самый большой из них посадил сам святой, тогда как другой – один из его учеников.

Везде ухоженность. Везде благородство. Все лаврские монахи – от привратника, *архондаричного* и пономаря до игумена, – казалось, жили с гордостью за свое духовное происхождение. Они были детьми святого Афанасия и, в некотором смысле, братьями императора Никифора Фоки²⁶. Пока я бродил по обители, мне казалось, что сейчас откуда-то внезапно появится ее великий отец и основатель святой Афанасий.

Среди прочего, что произвело на меня большое впечатление, был также один обычай, совершенно нехарактерный для мирской жизни. Монастырский садовник во дворе раскладывал овощи и фрукты в кучки по видам, а отцы приходили и брали себе то, что каждому было нужно. Наибольшую живописность и особый тон этому обычаю придавали пустыnnики.

Они сходились сюда из окружающих калив, наполняли свои подвижнические котомки овощами, которые были их пропитанием на несколько дней, и уходили к себе. Как меня взволновала эта картина! Но больше всего – любовь. Этот обычай я заметил и в других монастырях, в которых мне посчастливилось побывать.

В Лавре я был недолго. Спешил вернуться в Кавсокаливу, а оттуда – в Святую Анну, чтобы поскорее попасть в монастырь Дионисия и повидать там замечательного монаха, отца Лазаря.

²⁵ Святой Афанасий Афонский – основатель Великой Лавры и вообще общежительного монашества на Святой Горе. Его память празднуется 5/18 июля.

²⁶ Византийский император Никифор Фока (963–969) был ктитором Великой Лавры, которая в 963 году была с его помощью основана св. Афанасием Афонским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.